

УДК 94(47).072.5 «1812/1814»:930.25

Сергей Назарович Хомченко

СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1812 – 1814 гг. В МЕМУАРАХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ

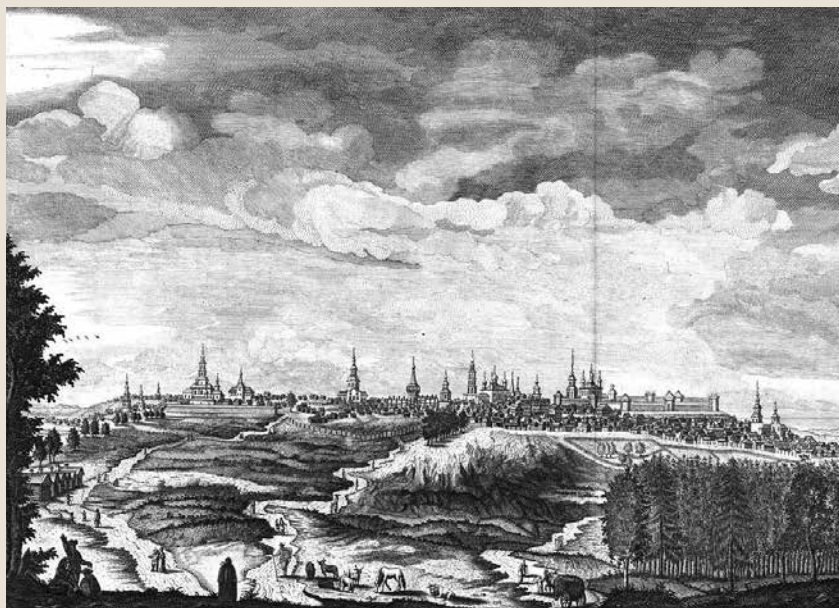
Среди источников, освещающих повседневную жизнь во время Наполеоновских войн, важное место занимают мемуары военнослужащих Великой армии, попавших в плен и проводивших его в 1812 — 1814 гг. в разных уголках Российской империи. Из пленных многонациональной армии Наполеона воспоминания о Симбирской губернии оставили унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка Эдуард Рюппель и рядовой французского 9-го легкоконного полка ганноверец Христоф Циммерманн. В октябре 1812 г. они следовали через Симбирск в Оренбургскую губернию¹.

Вестфальский унтер-лейтенант Э. Рюппель вспоминал, что во время следования частые снегопады мешали их дальнейшему продвижению, пленным приходилось иногда по несколько дней оставаться в неприятной обстановке крестьянских изб. Офицеры изнывали от скуки и выдумывали различные способы времяпрепровождения. Так, однажды они решили сделать форму чистой, перешив ее наизнанку. Быстро распустили, а собрать ее заново многим не хватило портняжного мастерства. Лишь у одного французского

улана красные рейтузы и зеленая куртка стали как новенькие, остальные были рады кое-как сшить штаны. В одном большом селе перед Симбирском Э. Рюппеля с несколькими товарищами разместили на постой в большом доме. Он вошел в просторное помещение и вдруг услышал дребезжание цепи, почувствовал толчок в спину. Обернувшись, Э. Рюппель увидел бледного, взлохмаченного

и совершенно голого человека, прикованного цепью за шею и туловище к длинному железному шесту. От хозяйки дома постояльцы узнали, что это был ее слабомысленный дедушка, который уже 14 лет так прикован, так как во время припадков он впадал в ярость. Пленные расположились в той комнате на соломе, но настояли на том, чтобы лучина осталась гореть, и она своим бледным светом

*Вид города Симбирска. Гравюра середины XIX в.
(URL: <https://ulpressa.ru>)*

усиливала ужасный вид угла, в котором сидел старик. Наутро пленные были даже рады, когда ратник конвоя известил их о продолжении похода.

В пути колонна пленных часто встречала караваны в 100 — 200 саней. Все они были запряжены хорошими тяжеловозами. На каждые шесть саней приходился один возница, который обычно лежал в санях и спокойно дремал. Проезжая мимо, «для ободрения» этим дремлющим возницам конвойные «прописывали» пару хороших ударов нагайкой, что сразу сгоняло с них сладкую дрему и веселило всю колонну.

До губернского города Симбирска партия добралась во время сильного бурана, в течение еще нескольких часов пленным пришлось ждать на улице, пока их не расквартируют. Всех расселили в пригороде у бедных жителей. После суточного отдыха Э. Рюппель осмотрел город, отметил, что он неплохо построен. Население Симбирска мемуарист оценил в 10 тыс. чел., добавив, что в городе много церквей, а окрестности должны быть очень живописными, но из-за глубокого снега этого не было видно. После закупки припасов колонна быстро двинулась по руслу

замерзшей Волги к Самаре. Этого города пленные достигли через восемь дней. Во избежание опасности обморожения они вынуждены были растирать замерзшие лица, окоченевшие руки и ноги. Из-за морозов, плохого питания и больших нагрузок в пути пленные умирали. Русские отказывались хоронить их на кладбищах, приходилось зарывать их вдали от населенных пунктов.

Партия пленных, в которой находился ганноверец Х. Циммерманн, следовала через Симбирскую губернию во время сильных морозов. Питание было слабое, плохо выпеченный хлеб был похож на мягкую глину и его можно было скатать в шарик. Умирало множество пленных, причем мемуарист считал, что погибали в первую очередь те, кто ослаб морально, а не физически. Умирали отчаявшиеся и покоровшиеся боли. Ему удалось собрать духовные силы и остаться в живых. Когда колонна подошла к Волге, холод от близости воды усилился. Пленным пришлось несколько часов ждать переправы на другой берег. Х. Циммерманн выжил благодаря помощи друга Хуземанна, который затащил его, находившегося от голода и холода без созна-

ния, на корабль. Впрочем, ганноверец никого не винил в своих несчастиях, так как понимал, что пришел в эту страну как захватчик².

В июле 1813 г. после освобождения Э. Рюппель вновь проезжал через уездную Самару. Здесь он с рекомендательным письмом побывал в доме госпожи Племянниковой, у родственников которой жил в Оренбургской губернии. Та встретила его очень официально, поэтому Э. Рюппель быстро простился с ней. В нескольких шагах от дома он встретил русского инженер-офицера, учтиво заговорившего с вестфальцем и попросившего разделить с ним обеденную трапезу. Э. Рюппель с благодарностью принял приглашение и не раскаялся в этом, так как познакомился с любезным и остроумным человеком. Его звали Ф. Шуман, во время последней турецкой кампании он служил адъютантом русского генерала А. А. Суворова, сына знаменитого фельдмаршала. Время пролетело быстро, в 4 часа Э. Рюппель снова уселся в свою кибитку. Погода внезапно испортилась, ветер поднял облака пыли и усилился почти до урагана. Не последовав совету Ф. Шумана не переправляться через Волгу, Э. Рюппель отправился в опасный путь. Прибыв на берег, он увидел, что воды были очень высоки. На большом пароме находилось много крестьянских повозок, лошадей, рогатого скота и крестьян, которые возвращались из Самары с рынка. Сопровождавший унтер-офицер взмахами нагайки расчистил на пароме место для кибитки. Э. Рюппель сидел внутри, так как начался дождь. От берега был отвязан трос, и слишком тяжело нагруженное судно оказалось в гуще течения...

Волны поднимались высоко, при каждом порыве ветра они переклестывали за борт и производили страшный переполох среди народа. Когда паром оказался на середине потока, воды стали такими бурными, что ни весла, ни руль

*Конвоирование военнопленных офицеров вглубь России
(Merkwürdige Tage meines Lebens : Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Russland :
Aus dem Tagebuch eines deutschen Offiziers. Stuttgart, 1817)*

не помогали. Волны и частые порывы ветра с такой скоростью несли паром вниз по течению, что Э. Рюппель решил, что пробил их последний час. Крестьяне крестились и бросались на колени, твердя: «Господи помилуй». Так как судно при такой нагрузке грозило пойти ко дну, его нужно было облегчить. Все крестьянские повозки были переброшены через борт, и, растянувшись в длинную цепочку, поплыли вслед за паромом. Однако этого оказалось недостаточно, под громкие причитания владельцев в реку были сброшены и мешки. Судно было облегчено, чему вестфалец обрадовался, так как не пришлось жертвовать его кибиткой. После того, как паром спустился на пять верст от города, сильный шторм и холодный дождь улеглись, паромщики снова взяли за весла и направили судно к берегу. Они долго тыкались вдоль берега, так как на диком, густо заросшем ивняком берегу не было места, чтобы пристать. Наконец показалась маленькая бухта, в которую и вошли...

Вскоре кибитка выбралась на дорогу у большого села, где отмечали какой-то праздник. Все жители были празднично одеты, пели и танцевали. Пока унтер-офицер хлопотал о смене лошадей, Э. Рюппель наслаждался зрелищем этого крестьянского действия. Повсюду обильно лилась водка, и все без исключения, кто больше, кто меньше, были одурманены ей. Чай, квас, капустные или рыбные пироги поглощались с великим аппетитом. Многие лежали на земле, в то время как другие, главным образом женщины, собирались вокруг них; когда одни пытались помочь подняться с земли другим, возникали забавные ситуации³.

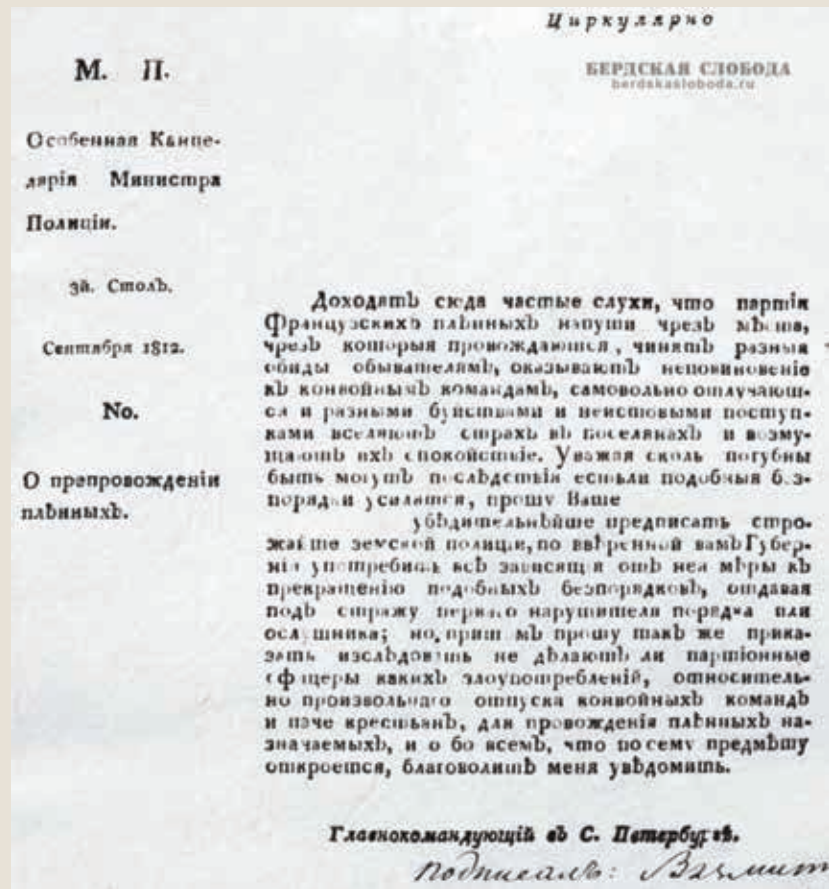
В июле 1814 г. ганноверец Х. Циммерманн в партии освобожденных из Оренбургской губернии немцев подошел к Симбирску, где они задержались на некоторое время. Симбирск он описал, как недавно основанный, но уже большой город с 15 тыс. жителей, 19 церквями и

19 кабаками. Х. Циммерманн и Хуземанна поселили у богатого купца. Пока назначенный квартирмейстером Х. Циммерманн обходил квартиры, чтобы узнать у пленных о каких-либо трудностях, приветливая хозяйка расспросила Хуземанна о его друге. Когда тот описал ей должность Х. Циммерманна, хозяйка стала относиться к нему с большим вниманием. Х. Циммерманну предложили остаться здесь жить и работать у них помощником купца. Однако он не принял это предложение и отправился в дальнейший путь⁴.

В Симбирской губернии провели плен итальянские лейтенанты Филиппе Пизани из 1-й артилле-

рийской роты и Франческо Баджи из 2-го линейного полка, а также унтер-офицер швейцарского 2-го пехотного полка Шарль Мино⁵.

Итальянский лейтенант Ф. Пизани прибыл в Симбирск в сентябре 1813 г. Он сообщил, что симбирский полицмейстер (надворный советник Алексей Акимович Лукин) с первой же встречи выразил пленным свое нерасположение, заявив, что им положена еще большая строгость, и напугал дальнейшей отправкой в Сибирь, «которая достаточно велика, чтобы вместить всех французов». Вскоре выяснилось, что некоторые пленные для улучшения содержания ложно объявили себя офицерами. Раз-

В сентябре 1812 г. губернаторы получили циркулярное предписание из Особенной канцелярии Министерства полиции. В нем отмечалось, что «доходят... слухи, что партии французских пленных на пути чрез места, чрез которые провожаются, чинят разные обиды обывателям, оказывают неповиновение конвойным командам», и высказывалось требование «предписать строжайшие земской полиции ... потребить все зависящие от нее меры к прекращению подобных беспорядков, отдавая под стражу... нарушителя порядка» (URL: <https://berdskasloboda.ru>)

гневанный полицмейстер не только приказал бить обманщиков плетью, но и хотел наказать других пленных.

В окружении полицмейстера находился итальянский архитектор Руска. Он поговорил с губернатором (действительным статским советником князем Алексеем Алексеевичем Долгоруковым) и полицмейстером о земляках. Вскоре полицмейстер принял дома пятерых французских и трех итальянских офицеров. Французам он

мьей, а потом навещал их, вспоминая об Италии и рассказывая о жизни в России. Здесь итальянцы посещали и других земляков — семьи Филиппини и Чоккьо, Руска и секретаря губернатора Пиккарди.

Через несколько дней пленным сообщили, что губернатор приказал распределить партию военнопленных, находившуюся в Симбирске, по трем уездным городам. Исключение было сделано лишь для десятерых французских офи-

глашению офицеров к ним перешел жить итальянский сержант, который занимался домашними делами... Купили необходимые предметы: закрывающееся деревянное ведро для кваса, жестяные и стеклянные стаканы, железные горшки и сковороды, напольный таз, железные и деревянные ложки, деревянные тарелки и миски. Люди, у которых проживали итальянские офицеры, готовили им пищу и охотно оказывали другие услуги. Крестьянин, живший в со-

*И. М. Прянишников. В 1812 году. 1874 г.
(URL: <https://commons.wikimedia.org>)*

сказал несколько вежливых слов, а на итальянцев не обратил внимания, приказал лишь записать их имена и обещал, что десять наиболее достойных офицеров будут оставлены здесь. Пока же им было разрешено ходить по городу без сопровождения. Во время прогулки по Симбирску к Ф. Пизани и двум его товарищам подошел человек, представившийся итальянским купцом Боски. Он торговал в России уже 36 лет и накопил значительное состояние. Боски пригласил их на обед, познакомил с многочисленной се-

церов. Ф. Пизани оказался в Сенгилее, где был радушно принят городничим — подполковником Григорием Ивановичем Карповским.

По прибытии в Сенгилей Ф. Пизани с двумя другими итальянскими офицерами по протекции Пиккарди, секретаря губернатора, устроили в приличной бесплатной квартире. Она состояла из прихожей, которая использовалась как кладовая, большой комнаты и маленькой кухни. Дом был деревянный, с лежанками и скамьями вдоль стен. Для сна были приготовлены три соломенных тюфяка. По при-

седнем доме, был обязан ежедневно доставлять им воду и дрова.

Здесь Ф. Пизани спокойно гулял, проводил время за чтением, записывал свои приключения и изучал русский язык, который узнал достаточно, чтобы быть понятным. Он часто принимал участие в местных праздниках, посещал знатные семьи и укреплял дружеские отношения с должностными лицами и русскими дворянами. Его товарищ, Дж. Росси, был более экспансивным и общительным. Другой, Дж. Тадолини, напротив, был мизантропом, замкнутым в себе,

оставался всегда дома, настроенный против русских и серой жизни, которую он был вынужден вести.

В марте 1814 г. помещик Артемий Окулов пригласил Ф. Пизани для преподавания французского языка и ведения других занятий с детьми в поместье Волынщина. Здесь молодой итальянец, пользуясь любовью и уважением людей из разных слоев, провел три месяца и уехал только перед отправлением на родину. Расставание с дворянской семьей, которая смягчила ему пленение, было грустным... Дома было собрано все, что было необходимо для путешествия: рубашки, салфетки, продукты, чайник с чашкой, кастрюля и даже подушка для сидения⁶.

Ф. Баджи прибыл в Симбирскую губернию в декабре 1813 г. 23 декабря мороз ослаб, выпало много снега, который сразу же начал таять, и некоторые места были покрыты снеговой кашей пополам с водой. В уездный город Карсун* пленные приехали на католическое Рождество и, благодаря выдаче двухнедельного денежного содержания из расчета 50 коп. в день, смогли сделать праздничный ужин. Часть пленных осталась здесь, остальные двинулись в Симбирск, куда прибыли через пять дней и были размещены в пригороде. Ф. Баджи, направлявшийся в полицейский участок на другом конце города, чуть не отморозил нос. Шедшая навстречу женщина знаками показала, что его надо растереть снегом. После этого случая, по словам итальянца, он стал менее несчастлив, чем другие пленные.

Ф. Баджи писал о русском поручике Маслове, который сопровождал их в Симбирскую губернию, что тот постоянно присваивал деньги, выделенные на питание и транспортировку пленных, и неуклюже пытался оправдаться перед офицерами. По прибытии в

В. Л. Боровиковский. Портрет князя А. А. Долгорукова. 1811 г. Государственная Третьяковская галерея

Симбирск, пленные также столкнулись с грубостью полицмейстера. У поручика Маслова возник спор с пленным французским капитаном Ж. Кореза, в результате чего русский плюнул в лицо французцу. При другой обстановке в ответ последовал бы вызов на дуэль, но пленный не мог себе этого позволить. Маслов доложил о случившемся полицмейстеру, и тот приказал казакам арестовать Ж. Кореза. Ему угрожала отправка в Сибирь. Старший среди пленных, итальянский полковник Оливьери, с еще одним офицером отправился к полицмейстеру заступиться за арестованного. В результате французца освободили из-под стражи.

Новый, 1814-й, год Ф. Баджи встречал также в Симбирске. Не зная, сколько придется здесь прожить, он с двумя офицерами снял небольшую, хорошо отапливаемую квартиру из двух комнат. На русское Рождество 14 итальянских офицеров были приглашены в дома земляков Комо и Чоккьо, давно переехавшими в Россию, которые занимались здесь различными ремеслами — изготовлением оловянных изделий, сыроварением и торговлей. Один сицилиец даже давал уроки фехтования. Их

угостили сыром, изготовленным по итальянским рецептам, и превосходным пуншем, а вечером под рояль и гитару они распевали песни.

Ф. Баджи прожил здесь около двух недель и смог хорошо осмотреть город. Он увидел в Симбирске много купеческих лавок, из чего заключил, что это коммерческий город. Его удивило и большое количество каменных строений. Вместе с друзьями он пошел к замерзшей Волге, но не отметил ничего заслуживающего внимания, кроме нескольких проложенных санями дорог на противоположный берег. В целом Симбирск ему показался более оживленным, чем другие города, которые он видел. Мемуарист отметил и небывалую дешевизну продуктов, в первую очередь рыбы. Например, осетр стоил 2 коп. за фунт, осетровая икра — 2 — 3 коп. Бутылка вина, привезенного из Астрахани, обошлась в 1 бумажный рубль, т. е. двухдневное жалованье пленного обер-офицера, и Ф. Баджи считал, что это очень дешево. Пленные закупили несколько бочонков с солениями и квасом, для хозяйственных нужд — полотно и льняные нитки, чтобы сшить рубашки. Любивший петь итальянец купил в Симбирске гитару.

Через несколько дней некоторые пленные должны были отправиться дальше, в уездный город Ставрополь. Ф. Баджи отметил, что губернатор г. Симбирска А. А. Долгоруков, хотя и не был благосклонен к французам, но являлся все же гуманным человеком и приказал не отправлять пленных в чрезмерный холод, который тогда царил. По пути в Ставрополь попадались татарские, мордовские и чувашские деревни, жители которых приветливо к ним относились.

Ставропольский городничий (надворный советник Карл Крестьянович Килхен), старый ливонец, встретил пленных неплохо, по крайней мере, офицеров. Ф. Баджи и его товарищ Л. Паччиони сняли хорошую квартиру, но когда они

* Ныне — рабочий поселок Карсун в Ульяновской области.

приехали туда с вещами, оказалось, что квартира уже занята другими пленными офицерами, отчего между ними произошла ссора. Пришлось довольствоваться худшей квартирой, куда друзья приехали в плохом расположении духа. Впрочем, вскоре они поменяли ее на более приличную, состоявшую из трех комнат, и к тому же в центре города и за очень маленькую плату.

Среди пленным был портной. Он помог Ф. Баджи перешить шинель во фрак, сшить новые штаны, в которых можно было показаться в обществе. У калмыков купили бараньи шкуры и сшили шубу, которая сохранилась до возвращения в Италию. Повседневную форму Ф. Баджи также сберег. Л. Паччиони был особенно рад своему положению и не хотел быстрого окончания плена. Они получали положенное содержание, частые подарки, им не нужно было выполнять тяжелую работу. Ф. Баджи подружился с французским офицером Ж. Кореза, с которым они преподавали друг другу родные языки. У того была «Генриада» Вольтера, которую Ф. Баджи, чтобы провести время, начал переводить в стихотворной форме на итальянский язык. Л. Паччиони купил краски и рисовал эпизоды игры в мяч, а Ф. Баджи служил моделью. Рисунки развешивали на стенах квартиры. Друзья проводили вечера и за музицированием на гитаре, врач Ж. Казанья присоединялся к ним со своей скрипкой. Л. Паччиони сделал шахматы, в которые Ф. Баджи научился неплохо играть.

Музыкант итальянской королевской гвардии А. Фиамеджини давал уроки скрипки сыну ставропольского городничего, а один маркиз устроился преподавать французский язык сыну местного помещика.

В Ставрополе Ф. Баджи познакомился с дворянами Мильковичами, в чей дом уже были вхожи прибывшие ранее французы и итальянцы. Семья состояла из

старой вдовы, двух ее сыновей и трех дочерей. Старший сын был женат, жил с женой здесь же, младший — учился в Казанском университете. Ф. Баджи вспоминал, что у старой госпожи Милькович было благородное сердце, она приказала снабжать солдат, которых под конец плена в Ставрополе было почти 200 чел., мясом и хлебом. Здесь ежедневно обедали 5 — 6 пленным офицеров, Ф. Баджи и его товарищ Л. Паччиони также стали частыми посетителями этого дома. Обладая хорошими голосами, они пели и играли на гитаре. Их охотно приглашали на обеды и ужины, делали различные подарки. Часто устраивались танцы, в которых Ф. Баджи поначалу не мог участвовать из-за обмороженной ноги.

В доме Мильковичей была популярна игра в лото. Каждый офицер должен был по очереди называть выпавшие числа, и так многие быстро научились считать по-русски. В Ставрополе Ф. Баджи расширил песенный репертуар, выучив несколько русских песен. Вот, например, отрывок одной, пользовавшейся популярностью, которую Ф. Баджи записал по памяти итальянскими буквами: «Nattol sto bi pecceli riabbi nam nacagi, nam bogi serze deli, spazobnovi lubli, adno hus ciusto strasti bybet besloj nasiasti vlublnoi celavec, acciasto nina vece». Он не понимал, о чем пел, но его выступления проходили с неизменным успехом. Голландский капитан Шуман играл на рояле, причем не только классические, но и собственные сочинения. Однажды светское общество совместно с пленными офицерами поставило пьесу Мольера «Скапен» на французском языке.

Во время поста на рынке не продавали мясо, и «добрый старина» Милькович, которому на это пожаловался Ф. Баджи, тут же прислал им половину своих запасов говядины, а также много зайцев и тетеревов. Этот подарок позволил существенно сэкономить итальянцам деньги.

С наступлением весеннего тепла пленные часто гуляли в близлежащем лесу. Денщик Леони с помощью силков наловил много птичек, которые своими голосами заполнили квартиру итальянцев. На Пасху пленные офицеры посетили церковную службу. Господин Плотников, не дождавшийся в тот день заболевшего Ф. Баджи к обеду, прислал ему в подарок две бутылки вина и сообщение о вступлении русских войск в Париж.

Вскоре в Ставрополе произошло серьезное происшествие, взбудоражившее весь город. Местный чиновник Sirciff (Ширков), один из богатых горожан, попросил руки одной из дочерей семьи Мильковичей. Однако ему было отказано из-за низкого происхождения. Кроме того, Ширков завидовал пленным офицерам, которых хорошо принимали у Мильковичей, и решил отомстить всем. Апрельским вечером 1814 г. слуга Ширкова нанес удар ножом местному жителю, обвинив в этом одного француза. Городничий собрал пленным офицеров и объявил им приказ военного министра об отправке виновных в преступлениях в Сибирь. Он запретил пленным выходить на улицу в ночное время и посещать собрания. Однако вскоре последовала отмена приказа, француза признали невиновным⁷.

После некоторого затишья внезапно в середине мая последовал приказ симбирского губернатора об отправке всех пленным из Ставрополя в Симбирск. Ф. Баджи было жаль расставаться с друзьями. На прощание старая госпожа Милькович подарила ему банкноту в 25 руб., большую шаль, куртку и шапочку, еще 10 руб. прислала ее дочь. На прощальном завтраке в доме Мильковичей присутствовало более 20 пленным офицеров.

Перед освобождением большая группа итальянцев была собрана в Корсуне. Чтобы время шло быстрее, один солдат наделал марионеток, и пленные развлекались постановками традиционных ита-

льянских комедий. Они привлекали не только итальянских офицеров и солдат, но и русских жителей, которые хоть и не понимали ни единого слова, но смеялись, когда смеялись итальянцы. К комедиям добавлялись песни Ф. Баджи и Л. Паччиони, и эти представления неоднократно посещали городничий (титularный советник Карл Борисович Ниман) и другие корсунские господа. Однажды вечером городничий устроил для пленных развлечения, пригласив на регату на р. Корсунке, а вечером — на роскошный ужин⁸.

Швейцарский унтер-офицер Ш. Мино, прибывший в Симбирскую губернию, скорее всего, в январе 1814 г., отмечал, что выдаваемого им в пути до Симбирска продовольствия не хватало, и они покупали его у местных жителей. В одной деревне пленные остановились у немецких переселенцев, которые хорошо их приняли, дав в дорогу большой запас хлеба. Однажды в пути Ш. Мино так сильно обморозился, что не чувствовал тела. Когда пленным определили деревню для постоя, он зашел в первый же дом и упал как мертвый. Хозяйка, старая русская

женщина, видя беспомощность швейцарца, принесла деревянное корыто, полное холодной воды, добавила туда снега и растирала постояльца, пока его кровь не возобновила движение. После этого милосердная женщина накормила пленного тем, что нашлось в ее бедном доме. Уже после возвращения на родину Ш. Мино в молитвах всегда вспоминал эту женщину, ведь благодаря ее заботе он выжил.

В месте назначения, в уездном городе Буинске, пленные солдаты занимались перевозкой земли для засыпания пруда. Ш. Мино жаловался на тяжелый труд и плохое обращение конвойных казаков, бивших их пиками. Однажды днем, когда пленные собрались на городской площади, чтобы пойти на работу, незнакомый старик в обществе городничего прошел перед строем, осведомился, есть ли среди пленных швейцарцы. Ш. Мино отозвался, выяснилось, что этот старик по фамилии Шнейдер тоже родом из Швейцарии и служит сейчас управляющим в имении русского генерала недалеко от Буинска. Он дал земляку несколько рублей и пригласил в гости. На

замечание, что, несмотря на удовольствие от этого предложения, пленный не может отлучиться без разрешения городничего, коллежского асессора Григория Федоровича Ребровского, старик обратился к нему и легко получил отпуск для Ш. Мино. На следующий день Ш. Мино отправился в гости. Он находился там три недели, где смог отвлечься от тягостных раздумий.

Ш. Мино сообщил, что он, как и многие пленные, плел из конского волоса украшения в виде колец, которые затем продавали как в городе, так и в местах, через которые пленные возвращались домой⁹.

Таким образом, мемуаров, описывающих пребывание военнопленных армии Наполеона в Симбирской губернии, немного. Впечатления мемуаристов от губернии и ее жителей, несмотря на некоторые различия, в общих чертах совпадают. Коллективное впечатление, скорее, положительное, за исключением отдельных ситуаций. В целом же мемуары являются хорошим дополнением к материалам, представляющим жизнь отдельного региона на определенном этапе развития государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: **Rüppel E.** Kriegsgefangen im Herzen Russlands. Berlin, 1912. S. 142 — 170 = **Рюппель С. Э.** Военнопленный в сердце России // Саксонский кирасир, вестфальский гусар, баварский шеволежер : Воспоминания немецких кавалеристов о войне 1812 года и плене в России / пер., предисл., коммент. С. Н. Хомченко. СПб., 2020. С. 73 — 193 ; **Zimmermann Ch. C.** Bis nach Sibirien. Hannover, 1863. S. 26 — 38.
- ² См.: **Rüppel E.** Op. cit. S. 136 — 140, 142 ; **Zimmermann Ch. C.** Op. cit. S. 25.
- ³ См.: **Rüppel E.** Op. cit. S. 170.
- ⁴ См.: **Zimmermann Ch. C.** Op. cit. S. 38.
- ⁵ См.: **Pisani F.** In guerra con Napoleone : Memorie di Filippo Pisani. Chiari, 2006. 319 p. [Пер. фрагмента «Русская провинция в 1813 — 1814 гг. в мемуарах итальянского лейтенанта Ф. Пизани» С. Н. Хомченко] // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях : материалы XXIV Междунар. конф. Малоярославец, 2017. С. 163 — 174 ; **Memorie di Francesco Baggi.** Bologna. 1898. 317 p. ; **Minod Ch. F.** Journal des campagnes et blessures // Combats et captivité en Russie : Mémoires et lettres de soldats français. Paris, 1999. P. 35 — 58.
- ⁶ См.: **Pisani F.** Op. cit. P. 114 — 115, 257 — 264.
- ⁷ Об этом подробнее см.: **Попов А. И., Хомченко С. Н.** Из воспоминаний И. А. Второва о военнопленных 1812 — 1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 575.
- ⁸ См.: **Memorie di Francesco Baggi.** P. 165, 169 — 182, 184, 188 — 197, 208 — 210.
- ⁹ См.: **Minod Ch. F.** Op. cit. P. 48 — 50, 57.

Поступила 08.02.2022